

К ИЗУЧЕНИЮ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ (ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Археологическое изучение Мангупской базилики Константина и Елены начинается с 90-х гг. XIX в. и с большими перерывами ведется до настоящего времени.

Научный интерес к Мангупу в конце XVIII и на протяжении XIX в. определяется выяснением роли готской епархии в Крыму, в частности, установлением ее религиозного центра. Поэтому первыми исследователями Крыма уделялось большое внимание открытию христианских храмов-базилик¹.

В 1890 г. по поручению Императорской археологической комиссии, приват-доцент С.-Петербургского университета Ф. А. Браун, решив отыскать следы пребывания готов в Крыму² путем археологических изысканий, предпринял раскопки в Крымском нагорье, планируя исследовать Сюрень (ныне с. Малосадовое Бахчисарайского района), Бия-Салу (с. Верхоречье Бахчисарайского района), Партенит (с. Фрунзенское на южном берегу) и Мангуп, но в силу сложившихся обстоятельств ограничился только раскопками Мангупа.

Среди прочих объектов, заинтересовавших Брауна, была и базилика, до того времени покоившаяся под длинным широким холмом, где, как полагал Браун, должны были находиться следы обширной постройки³.

Из отчета Брауна узнаем, что «сбоку он натолкнулся на стенку в 2 м высоты — ограды греческого кладбища. С внутренней стороны к ней примыкают могильные склепы, один возле другого, в форме продолговатых четырехугольников. Вскрыл два склепа в северо-западном углу ограды, могилы не разграблены, но забиты костями». (ОАК, 1890, стр. 18). Надо полагать, что раскопки Браун начал у западной стены базилики, возле центрального входа. Именно в этой части стена базилики сохранилась примерно на 2 м высоты и с внутренней стороны к ней примыкают гробницы, крытые плитами, которые Браун характеризует как «склепы». И с запада же Браун закладывает траншею в направлении на Восток, где ему удалось открыть центральную апсиду; «она полукруглая (Д=3,70 м) и образуется четырьмя ступенями, за которыми таким же полукругом поднимаются стены в 2 м. От этого полукруга тянутся на запад прямые церковные стены; замечательно при этом, что правая сторона не соответствует левой: первая, (если смотреть лицом на запад), раскрытая на 6 м, идет длинной прямой линией, несколько отступая вправо от стены, замыкающей апсиду;

левая же является продолжением четвертой ступени, длиной в 2 м 90 см, затем загибается вправо на 1 м и снова идет на запад (ОАК, 1890, стр. 18—19). Вероятно, Браун открыл с правой стороны фундамент стилобата, на котором устанавливались колонны, а с левой —

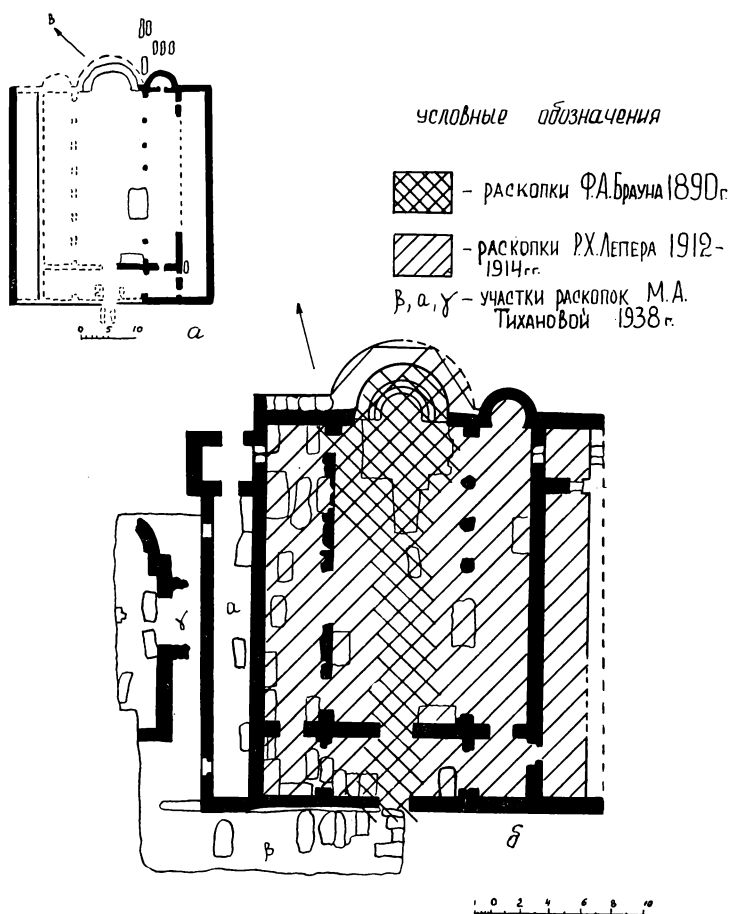

Рис. 1. Схематический план Мангупской базилики
а) чертеж базилики по Р. Х. Леперу; б) базилика с указанными участками раскопок Ф. Н. Брауна, Р. Х. Лепера, М. А. Тихановой.

стенку, ограждавшую площадь солеи перед апсидой (см. рис. 1, б). Не выяснив композиционного плана базилики, Браун рассматривал вновь открытые стенки, как остатки «кладбищенской церкви, со всех сторон окруженной мавзолеями»⁴ (ОАК, 1890, стр. 19).

Все находки были отданы владельцу Мангула для передачи в Таврическую ученую архивную комиссию. Из протоколов заседаний комиссии известно, что при раскопках была обнаружена «масса каменных

обломков орнамента в восточном стиле и обломок мраморной плиты с греческой надписью, которую по неполноте трудно восстановить»⁵. Плита эта, как видно, поступила в музей комиссии. Однако, в Отчете археологической комиссии за 1890 г. сказано, что «при раскопках указанного храма полных надписей не удалось найти; отысканы лишь два маленьких обломка: на одном буквы РО, на другом 5 букв ЕЛЕНС» (ОАК, 1890, стр. 19).

Слабая фиксация и несовершенная методика раскопок характерны для работы на Мангупе в 1890 г. Ни в одном из документов мы не найдем описания полученного материала. Если еще обращалось какое-либо внимание, кстати очень незначительное, на остатки архитектурных деталей, то керамика, остатки железа и стекла Брауном игнорировались. Сделать какие-либо выводы относительно датировки вновь раскрытого храма Брауну вообще не представлялось возможным, потому что начатые исследования не были продолжены. Когда в том же 1890 г. Мангуп посетил А. Л. Бертье-Делагард⁶, то с горечью отметил, что «вдоль всей базилики, посередине ее, пройдено широкой канавой, как бы в перевал, вероятно, в смысле упрощенной раскопки. На свежевзрытой земле, ближе к стороне алтаря, валялось много белых кусков тонкой штукатурки, оборот которых показал, что здесь были фрески. Долго я трудился, стараясь собрать что-либо цельное, но совершенно безуспешно»⁷. Из этого сообщения можно заключить, что базилика как объект для исследования оказалась заброшенной, началось ее разрушение.

Спустя 22 года, в 1912 г., вновь начинаются работы на Мангупской базилике под руководством директора Херсонесского музея Р. Х. Лепера. По сравнению с работами Ф. А. Брауна, эти исследования, продолжавшиеся в течение трех лет, были более систематичными и планомерными. Сохранилось и больше отчетных материалов. О раскопках первых двух лет мы узнаем из отчетов Археологической комиссии за 1912, 1913 гг.⁸, из протоколов заседаний Таврической архивной комиссии с докладами Р. Х. Лепера о проведенных работах⁹. О раскопках 1914 г. отчетов самого Лепера нет, имеется только отчет о работах на Мангупе за 1912—1914 гг., составленный по материалам Р. Х. Лепера его преемником по Херсонесскому музею Л. А. Моисеевым¹⁰.

Основная трудность при изучении этих отчетов заключается в том, что почти невозможно определить, раскапывалась ли вся базилика до материковой скалы или было произведено выравнивание под какой-то единый уровень внутри ее.

Например, отчет 1912 г. о раскопках в нартексе дает возможность двоякого предположения. Из него мы узнаем, что раскопками Лепера был обнаружен заклад главного входа, открыты два уровня полов (ИАК, вып. 47, стр. 73). Так как нет никакого упоминания о слоях под нижним полом, это заставляет предположить, что на данном участке они дошли до материковой скалы. В то же время, упоминая о существовании могил у главного входа, Лепер очень осторожно говорит, что «может быть, еще в нартексе есть такие могилы, покрытые плитами» (по-видимому, использованы вторично) (ИАК, вып. 47, стр. 73). Следова-

тельно, можно прийти к выводу, что существование таких перекрытий было им замечено, но раскопок не производилось. Таким образом, невольно напрашивается заключение, что на данном участке нартекса шла зачистка под уровень нижнего пола и могильных плит, поэтому и нет упоминания о слоях под этим полом. И на издаваемом схематическом плане базилики могилы не указаны (рис. 1, а и рис. 1, б).

Вообще отношение к вновь открытым гробницам было крайне небрежным. Отсутствовала нумерация, материал давался «в общем», уделялось внимание только наличию золотых и ценных вещей¹¹, другой материал во внимание не принимался, хотя он, наверное, мог в какой-то степени пролить свет на возможную дату сооружаемых гробниц. Это тем более важно, что гробницы по своему устройству далеко не идентичны: глубокие гробницы, вырубленные в материке и обложенные плитами; мелкие гробницы в материке и только сверху огороженные тонкими плитами; высокие мавзолеи и, наконец, просто грунтовые погребения. Надо полагать, что такое различие говорит об их разновременности. Поэтому очень важно было бы тщательное исследование гробниц, которое, судя по отчетам, отсутствовало при раскопках.

Так, например, читая о работах в центральном нефе, мы узнаем, что «хорошо сохранились могилы с левой стороны нефа (надо полагать что имеются в виду могилы северного нефа). Из этой группы могил (по свидетельству ст. рабочего Федорова) происходит часть каменной плиты с именем императора Юстиниана, использованной в виде строительного материала (ОАК, 1913—1915, стр. 74). Но из какой именно гробницы происходит надпись, отчет умалчивает. Была ли она использована как перекрытие или встроена в стенку гробницы — узнать уже не представляется возможным.

Перечисленных примеров, на наш взгляд, достаточно, чтобы сделать вывод о том, что в ходе раскопок был допущен ряд очень важных и серьезных упущений, которые отразились в отчетах.

Сказалась также очень слабая методика раскопок, применительно не только к Мангупу, а характерная для всех археологических изысканий в России того времени, особенно для памятников средневековья¹². Несовершенство методики заключалось в том, что раскопки в основном производились внутри памятника, при этом обрастая отвалами земли и тем самым затрудняя дальнейшее исследование за стенами сооружений. Стратиграфический метод изучения уже был известен археологам, но тем не менее, при раскопках базилики не был применен. И хотя в отчете Лепера мы встречаем упоминание о двух полах, вывод этот абсолютно не подтвержден находками. Это явилось следствием того, что материал был свален в кучу, он не рассматривался подробно применительно к тем полам, на которых был обнаружен. В отчете Лепера читаем, «что на втором полу оказался довольно толстый слой земли, содержащий много остатков костей животных, черепков простых, поливных, византийских и турецких» (ИАК, вып. 47, стр. 146). Разбора этому материалу не дано, аналогии почти отсутствуют.

Недостаточно фиксировался ход раскопок. По словам А. Л. Бертье-Делагарда, в период работ Лепера было снято около сотни фотогра-

фий¹³. Далеко не все они были использованы в отчетах. В некоторых случаях нет единства между текстом отчета и представленными фотографиями.

В 1913 г. Р. Х. Лепером раскапывался северный неф базилики, на территории которого была открыта гробница, совершенно отличная от уже известных (вырублена в материке, имеет не обычную четырехугольную форму, а с закругленными краями, с некоторым сужением в середине; двухъярусная, первый ярус от второго отделялся плитами, второй ярус сверху тоже закрывался плитами. И главное отличие в том, что эта гробница расположена в иной оси, чем сама базилика)¹⁴. Вновь открытая гробница, бесспорно, заслуживала внимание археологов. Важен материал, который сопутствовал погребениям, сами погребения и т. д. Тем не менее в отчете не найдем ее описания. И о том, что она была раскрыта, узнаем из фотографии, помещенной в отчете, указано только, что на «рис. 113 прямо — часть левого нефа базилики с разобранными могилами» (ОАК, 1913—1915, стр. 75, рис. 113).

Встречаются и другие досадные оплошности. К тому разделу отчета, где говорится о раскопках центрального нефа, приложены фотографии, которые, судя по зафиксированной кладке западной стены базилики, могут относиться только к северной половине нартекса (ОАК, 1913—1915, стр. 75, рис. 112). Все представленные фотоснимки даны без указания ориентировки. Еще хуже обстоит дело с чертежами и зарисовками. Имеется один схематический план небольшого масштаба без ориентировки базилики (см. рис. 1, а). На плане трехнефная базилика, с нартексом, двумя галереями — южной и северной, с тремя апсидами. Этот план составлен в 1912 г., когда вся базилика не была еще раскрыта. В ходе дальнейших раскопок стало известно, что в северной части храм насыщен гробницами и что имеется только две апсиды — центральная и южная (см. рис. 1, б), но, тем не менее, уточнений к прежнему плану не было сделано. Следуя основной цели общего выяснения плана вскрываемого здания, Лепер не обращал внимания на сооружения внутри базилики и не делал поэтому разрезов, горизонталей исследуемых участков. Отсутствуют зарисовки и фотографии керамики, прорисовки меток и клейм на черепице, которые, бесспорно, должны были встречаться при раскопках базилики.

Кроме несовершенной методики, еще некоторые причины привели к недостаткам при составлении отчетов. Отрицательно сказалось то, что сам Р. Х. Лепер на раскопках бывал крайне редко и не видел всего хода работ. В результате начавшейся в 1914 г. войны раскопки были срочно прекращены, отчет не был написан. Незавершенность раскопок не замедлила сказаться на состоянии базилики, тем более, что не было проявлено никакой заботы об охране объекта¹⁵.

Подводя итог изучению Мангунской базилики в 1912—1914 гг., необходимо отметить, что в это время был снят план храма. На основании открытых двух уровней полов был сделан вывод о двух строительных периодах базилики, правда, их датировка не дается. Р. Х. Лепер считает, что первоначальная базилика, так же, как и вторая постройка, погибли в результате пожара (ИАК, вып. 47, стр. 148).

Важным результатом раскопок было обнаружение плит с надписями. Одна упоминает имя Юстиниана, вторая с греческой надписью найдена на могиле кладбища за базиликой с восточной стороны («С датой 9 ноября 6965 г.», т. е. 1457 г.) и гласит о погребении под памятником чтеца Стефана, с женой и ребенком (ИАК, вып. 47, стр. 148).

Что касается выводов датировки базилики, то Лепером они делаются очень осторожно. Первоначальную постройку храма, по аналогии с кладкой стен херсонесских храмов, он относит к VI в. (ОАК, 1912—1915, стр. 73). Гибель базилики считает до 1457 г., предполагая, что могила чтеца Стефана появилась в период, когда храма уже не существовало (ИАК, вып. 47, стр. 148).

Вопрос о датировке базилики в дальнейшем поднимался А. Л. Бертье-Делагардом. Анализируя материалы раскопок Лепера, он приходит к мнению, что Мангупская базилика очень близка херсонесским, особенно Уваровской¹⁶. Впервые указывает ориентировку на чистый Восток. Значительное внимание уделяет архитектурным остаткам, на основании которых подтверждает вывод о двух строительных периодах, отмечает, что в первоначальной постройке были мраморные колонны с аканфовыми капителями, а во второй базилике — восьмигранные колонны из местного известняка¹⁷. Говоря о датировке, Бертье-Делагард считает, что базилика построена едва ли позже VII—VIII вв., об этой дате говорят капители колонн и «нельзя думать, чтобы они были взяты из какой-либо более древней церкви, как то обычно делалось в Херсонесе»¹⁸. Впервые окончательно утверждает, что открытая базилика — это храм Константина и Елены, и жалеет, что раскопки были сделаны наскоро и очень бедно описаны¹⁸. Время второй постройки связывает с периодом турецкого захвата Крыма, когда на Мангупе был образован «турецкий кадалык». Базилика, по мнению Бертье-Делагарда, продолжает оставаться христианским храмом, но были заделаны все входы в нее, кроме южного¹⁹.

Хотя выводы Бертье-Делагарда в некоторых случаях сейчас могут казаться спорными, они являются очень важными дополнениями к отчетам Лепера.

История юго-западного Крыма, слабо освещенная в источниках и недостаточно изученная до революции, в 20—30-е гг. привлекает внимание исследователей в связи с общей проблемой феодализации Крыма и определения места так называемого «готского вопроса», который после выхода работы А. А. Васильева «Готы в Крыму» оказался еще более сложным и запутанным²⁰. Представив историю юго-западного Крыма как историю развития готского государства, А. А. Васильев отводит готам огромную территорию — от Херсона до Судака, определяет центр его на Мангупе²¹. Такая картина готского владычества в Крыму оказала большое воздействие на исследователей. В преувеличенной оценке роли готов в Крыму А. А. Васильева поддерживали П. В. Никольский²², А. С. Башкиров²³, В. Н. Дьяконов²⁴. Таким образом, после выхода работ Васильева и его последователей спорить с ними на основании только письменных источников становилось крайне трудно.

В 1928 г. начинаются раскопки на Эски-Кермене. Выбор его, как объекта археологических раскопок был сделан Н. И. Репниковым, который, как пишет В. И. Равдоникас, в 1928 г., рассматривая вопрос о Доросе, «понял», что столица готов находилась в нынешнем Эски-Кермене²⁵. Н. И. Репников, археолог дореволюционной школы, в исторических выводах полностью следовал за А. А. Васильевым²⁶. Локализация Дороса в Эски-Кермене, в сущности, ничего не меняла. Экспедиция искала готские древности и, по мнению участников, нашла их²⁷. Раскопки дали огромный материал, но разобраться в нем, оценить его с точки зрения социальной истории практически не удалось. Вновь полученный материал можно было сравнивать с материалами Херсонеса и нескольких могильников южного берега Крыма. Это ограничивало возможности исследователей и приводило их к неверным выводам.

Для изучения культуры юго-западного Крыма, разрешения вопроса об этническом составе населения, определения роли Крыма в истории Восточной Европы продолжается его археологическое изучение. Так как одной из задач в изучении Крымского нагорья являлось определение места Мангупа в системе средневековых поселений Крыма и уточнение времени возникновения его крупнейших сооружений, то естественно, одним из объектов исследования была избрана базилика.

Раскопки начинаются летом 1938 г. под руководством М. А. Тихановой²⁸. В отличие от предшествующих работ, при вновь начатом исследовании была применена качественно новая методика, предполагающая послойное изучение памятника, вплоть до материковой скалы, с определением возможной датировки каждого слоя. Раскопки велись на трех участках. См. рис. 1 б. Iб — раскоп у западной стены базилики; IIа — раскоп северной галереи; IIIγ — раскоп площади к северу от северной галереи.

Каждый раскопанный участок получил исчерпывающую характеристику в отчете. Выяснялся анализ кладки открываемых стен базилики (с описанием применяемого раствора, указанием толщины блоков, использованных в кладке, отмечены последствия пожаров и т. п.). Дан глубокий и всесторонний анализ каждому слою, отмечена мощность и неравномерность его залегания (МИА, 34, стр. 342, 345, 348). Очень большое внимание уделено полученному материалу, анализу керамики, стекла, железных предметов. Проводя широкие аналогии, определена датировка того или иного слоя. Так при разборе из I слоя «строительного мусора», отмечая параллели железным предметам из русских городищ XII—XIII вв. (МИА, 34, стр. 343), остаткам стекла из кавказских могильников XV в. (МИА, 34, стр. 344), сделан вывод, что в основном этот слой содержит материал XII—XV вв. Случайные находки раннего времени — обломки венчиков желобчатых амфор с толстыми ручками, круглодонных амфор салтовского типа, сосудов с густым рифлением, ранних черепиц с высокими бортиками, обломок колонны проконесского мрамора — только подтверждают ранее высказанный вывод о двух строительных периодах базилики. Данный слой базилику дати-

ровать не может, так как он образовался в результате раскопок Р. Х. Лепера (МИА, 34, стр. 344).

Интересной представляется характеристика II слоя — слоя дневной поверхности или слоя пожарища. М. А. Тиханова подробно описывает структуру почвы данного слоя (МИА, 34, стр. 342, 345, 348), переходит к рассмотрению находок с указанием точного местонахождения и скрупулезного изучения каждой вещи. Прекрасная эрудиция, великолепное знание материала позволяют автору приводить сравнения с Востоком — Хорезм, Сарай-Берке (МИА, 34, стр. 343), Северным Причерноморьем — Тамань (МИА, 34, стр. 347), Русью — Киев (МИА, 34, стр. 347), Трапезундом (МИА, 34, стр. 364). Определяя материал концом XV — началом XVI в., автор приходит к выводу, что на участке у западного входа в базилику II слой датируется временем турецкого завоевания, он начал образовываться, очевидно, после того, как базилика, перестроенная в конце XVI или начале XV в., перестала существовать (МИА, 34, стр. 348). II слой участка северной галереи и участка к северу от нее образовался в результате разрушения постройки (северной галереи — ее стен и перекрытий). Об этом говорят значительные остатки строительного материала — мелкого и крупного бута, тесаных камней, слой сильно насыщен известью, местами он почти белого цвета (МИА, 34, стр. 370). В результате автор приходит к выводу, что северная галерея не перестраивалась вместе со всей базиликой, так как обнаруженный материал раннесредневекового времени (МИА, 34, стр. 376).

При анализе III слоя М. А. Тиханова, отметив его довольно ровное залегание (для участка β), большую плотность по сравнению со II слоем, иной цвет (желтый), выявляет особенности, указывает на малочисленность керамического материала, на находки большого количества мозаичных кубиков и свинца, фрагменты проконесского мрамора (для участка α и γ), подтверждая свое мнение аналогиями, приходит к выводу, что этот слой в основном датируется ранним временем V—VI вв. (МИА, 34, стр. 376) у западного входа в базилику, и III—V вв. для участка галереи и территории к северу от нее (МИА, 34, стр. 379).

В соответствии со стратиграфией культурных напластований немаловажное место отводилось изучению могильных сооружений и погребений, которые отличаются не только различной глубиной залегания, но и устройством могильных ям²⁹, положением захоронений³⁰, разновременным вещевым материалом³¹. Рассматриваются архитектурные особенности каждой гробницы, всесторонне изучается полученный материал. М. А. Тиханова делает вывод, что «гробницы были сооружены одновременно с базиликой или немногим позже, но до ее разрушения. Погребения в них совершались, вероятно, в раннее время до X в., а затем продолжались вплоть до XII—XIII вв.» (МИА, 34, стр. 363—364).

Большой интерес представляло открытие крещальни, которая, по мнению исследователей, подтверждает раннюю дату самой базилики. Здесь была обнаружена плита с несколькими греческими надписями. Центральная — трехстрочная, написанная уникальным письмом V—

VI вв., ее окружает ряд мелких, неподдающихся чтению (МИА, 34, стр. 386). По аналогиям с херсонесскими надписями данная плита датируется позднеримским временем.

Таким образом, по мнению М. А. Тихановой, надпись и материал из слоев крещальни, северной галереи и участка перед западным входом в базилику представляют собой слой раннесредневековый и позднеримский, являющийся современным постройке храма в его первоначальном виде (МИА, 34, стр. 386).

Как неоценимое достоинство отчета М. А. Тихановой необходимо отметить разнообразную фиксацию как хода раскопок, так и полученного материала. Квалифицированные чертежи с указанием ориентировки, с показом открытых и пронумерованных гробниц, плитовых вымоستков. Прилагаются разрезы раскопанных участков с учетом стратиграфических напластований. Схема расположения погребений расширяет возможности работы над данным отчетом.

Необходимо отметить также исключительно научный подход к обработке материала. Новым по сравнению с предыдущими раскопками было составление описей, шифровка материала, поиски и нахождение аналогий, разбор и зарисовки меток и клейм, с определением возможной даты. Большое внимание было обращено на архитектуру базилики, на остатки ее декоративного убранства. Изучался материал не только из вновь раскопанных участков, но также рассматривались остатки архитектурных деталей, обнаруженные при зачистке храма, в свое время или незамеченные, или брошенные Брауном и Лепером.

Таким образом, вновь проведенные раскопки раскрывали широкие возможности для дальнейшего изучения юго-западного Крыма. В целом раскопки базилики расширили наши представления о культуре населения Мангупа второй половины I тысячелетия н. э. Они дополнили наши знания о росте и политической деятельности Мангупского княжества, в частности, они проливали свет на проблему утверждения и распространения христианства в юго-западном Крыму. Полученный материал давал представление об экономике княжества, о развитии ремесла — строительного, железоделательного, возможно, керамического. Находки вещей из Херсонеса, Трапезунда, Руси и даже Китая (МИА, 34, стр. 354) говорят о широких торговых связях Мангупа.

Что касается вывода о ранней датировке Мангупской базилики, то еще в 1940 г., до опубликования отчета М. А. Тихановой, он был высказан А. Л. Якобсоном в статье «Из истории средневековой архитектуры в Крыму»³², второй раздел которой посвящен анализу Мангупской базилики. А. Л. Якобсон, отмечая ряд перестроек, считает, что в первоначальном виде базилика относится к VI в., будучи и стилистически связана с раннесредневековой архитектурой Херсонеса. Таким образом, А. Л. Якобсон, взяв за основу композиционный план базилики, кладку западной стены, две капители из проконесского мрамора, плиту с именем Юстиниана из раскопок Р. Х. Лепера, приходит к выводу, что первоначальная дата постройки базилики относится к VI в.³³

В связи с дальнейшим археологическим изучением Мангупа выводы М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона относительно ранней датировки

базилики были подвергнуты сомнению. Это обстоятельство послужило одной из причин доследования храма и квартала, прилегающего к нему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Раскопки базилики в Партените и обнаружение там надписи с именем митрополита г. Феодоро Дамиана позволили прийти к мысли, что это и есть древний Феодоро. См.: Кондраки. Важная археологическая новость в Крыму.— «Одесский вестник». 1871, № 281.

² Деятельности готов в Крыму в дореволюционное время была посвящена значительная литература. См.: Брун. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в южной России.— «Записки Императорской АН», т. 24. СПб., 1874; Его же. Черноморье, т. 2. Одесса, 1880, стр. 180—241; Архимандрит Арсений. Готская епархия в Крыму.— ЖМНП, 1873, январь, стр. 60—68; В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. 7. Житие Иоанна Готского, 1878.

³ На нахождение базилики на Мангупе указывали еще Мартин Броневский: «...на Мангупе остались греческие церкви Константина и Елены и друга Георгия, совершенно ничтожные». См.: М. Броневский. Описание Крыма.— ЗООИД, т. 6, стр. 343. В 1853 г. были предприняты раскопки на Мангупе гр. А. С. Уваровым возле большого храма, где он открыл 4 гробницы, 3 из которых граблены. См.: А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, т. 3. М., 1910, стр. 14—15. В 1886 г. А. Л. Бертье-Делагард отмечал, что на Мангупе есть базилика, и на раскопки ее возлагал большие надежды. См.: А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро.— ИТУАК, 55. Симферополь, 1918, стр. 37.

⁴ Под «мавзолеями» Ф. А. Браун понимал гробницы, высоко поднимающиеся над землей.

⁵ ИТУАК, вып. 11, 1891, стр. 155—162.

⁶ Имя А. Л. Бертье-Делагарда прочно связано с историей Крыма. Большую часть своей жизни он посвятил научной работе, и в настоящее время остается крупнейшим исследователем и археологом Крыма.

⁷ А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро, стр. 37.

⁸ ИАК, вып. 47. СПб., 1913, стр. 73—79; стр. 146—154.

⁹ ИТУАК, вып. 49. 1913; ИТУАК, вып. 51, 1914.

¹⁰ ОАК, 1913—1915.

¹¹ ОАК, 1913—1915, стр. 76.

¹² А. Р. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966, стр. 85—96.

¹³ А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро, стр. 38.

¹⁴ Вероятнее всего, эта необычная могила являлась первоначально склепом, существовавшим до построения базилики, а затем использовалась как гробница в базилике.

¹⁵ Кусок мозаичного пола в центральном нефе был закрыт после работ экспедиции и не по распоряжению Р. Х. Лепера. Начавшиеся разрушения внутри базилики отмечал Л. А. Моисеев, посетивший Мангуп в 1915 г. См.: Архив ИИМК АН СССР, дело АК 1915/2; Рапорт Л. А. Моисеева 11/VIII 1915, № 564.

¹⁶ А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро, стр. 39.

¹⁷ Там же, стр. 40.

¹⁸ Там же, стр. 41.

¹⁹ Там же, стр. 42.

²⁰ А. А. Васильев. Готы в Крыму, ч. 1 — ИРАИМК, 1921; ч. 2 — ИГАИМК, 5, 1927.

²¹ Там же, ч. 2, стр. 314.

²² П. В. Никольский. Симферополь и его окрестности. Симферополь, 1923.

²³ А. С. Башкиров. Крым в его прошлом. М., 1929.

²⁴ В. Н. Дьяков. Древности Ай-Тодора.— Сб. трудов Алушкинского историко-бытового музея. Вып. 1. Ялта, 1930.

²⁵ В. И. Равдоникас. Дорос-Феодоро — столица готов в Крыму.— «Человек и природа». Л., 1929, № 2, стр. 22.

²⁶ Э. И. Соломоник и О. И. Домбровский. О локализации страны Дори.— АИСК, Киев, 1968, стр. 23.

²⁷ В. И. Равдоникас. Дорос-Феодоро... стр. 24.

²⁸ М. А. Тиханова. Базилика.— МИА, 34. М.—Л., 1953, стр. 334—389.

²⁹ В I ярусе часть погребений обложена камнями, часть в деревянных гробах. для II и III ярусов характерны только гробы, в северной галерее вообще гробов не встречено.

³⁰ На участке В в I ярусе погребений встречено различное положение рук: на поясе, груди, тазу, а во II ярусе — руки в основном на груди, для III яруса характерны детские погребения.

³¹ Во II ярусе материал XIII—XIV вв. датируется джучидскими монетами, III ярус датируется материалом XI—XII вв.

³² А. Л. Якобсон. Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму. 2 — Мангупская базилика.— СА, 1940, № 6.

³³ Там же.